

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.11>

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ГРАММАТИЧЕСКИЙ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУРУФИЙСКИХ ТЕРМИНОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАСИМИ

Научная статья

Гейдарова Х.И.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-1148-8326;

¹ Институт языкознания имени Насими Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан

* Корреспондирующий автор (heyderova73[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена комплексному филологическому анализу хуруфийских терминов в поэтическом наследии Имадеддина Насими — выдающегося азербайджанского поэта XIV века с хуруфийскими убеждениями. Цель исследования — выявить и систематизировать лексические, морфологические и лексико-синтаксические единицы, используемые автором в различных концептуальных контекстах, и определить их этимологические, семантические, грамматические и статистические характеристики. Материалом послужили поэтические тексты Насими, а также хуруфийские источники, включая «Джавидан-наме» Фазлуллаха Наими.

Методологическая основа исследования включает сравнительно-исторический метод, лексико-семантический и этимологический анализ, а также количественную обработку корпуса терминов. В работе выявлены 172 хуруфийских термина, классифицированных по происхождению (азербайджано-тюркские, арабские, персидские) и по типу синтаксической конструкции (персидские, азербайджано-тюркские и арабские изафетные сочетания). Особое внимание уделено терминам, связанным с коранической символикой (например, Ümmül-kitab, istiva, qabü qövseyñ), и их поэтическому функционированию в системе образов Насими.

Результаты исследования демонстрируют, что хуруфийская терминология в поэзии Насими является не только элементом религиозно-философского дискурса, но и сложной системой символов, соотносящейся с конкретными кораническими аятами, хадисами и числово-буквенной символикой. Научная новизна работы заключается в многоуровневой систематизации и комплексном филологическом анализе хуруфийских терминов с привлечением как письменных источников, так и количественных методов.

Ключевые слова: Имадеддин Насими, хуруфизм, кораническая символика, лексико-семантический анализ, хуруфийские термины, Джавидан-наме, истива, изафет.

ETYMOLOGICAL, SEMANTIC, GRAMMATICAL, AND STATISTICAL ANALYSIS OF HURUFI TERMS IN THE WORKS OF NASIMI

Research article

Heydarova K.I.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-1148-8326;

¹ Nasimi Institute of Linguistics, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan

* Corresponding author (heyderova73[at]mail.ru)

Abstract

The article presents a comprehensive philological analysis of Hurufi terminology in the poetic heritage of Imadeddin Nasimi, an eminent 14th-century Azerbaijani poet with Hurufi beliefs. The aim of the study is to identify and systematize lexical, morphological, and lexico-syntactic units used by the poet in various conceptual contexts, and to determine their etymological, semantic, grammatical, and statistical characteristics. The material consists of Nasimi's poetic works and Hurufi sources, including Fazlullah Na'imi's Javidan-nama.

The methodological framework of the research includes comparative-historical analysis, lexical-semantic and etymological methods, as well as quantitative processing of the corpus of terms. The study identifies 172 Hurufi terms classified by origin (Azerbaijani-Turkic, Arabic, Persian) and by type of syntactic construction (Persian, Azerbaijani-Turkic, and Arabic izafet combinations). Particular attention is paid to terms related to Qur'anic imagery (e.g., Ümmül-kitab, istiva, qabü qövseyñ) and their poetic functions in Nasimi's system of imagery.

The results show that Hurufi terminology in Nasimi's poetry is not only an element of religious and philosophical discourse but also a complex system of symbols associated with specific Qur'anic verses, hadiths, and alphanumeric symbolism. The novelty of the research lies in its multi-level systematization and comprehensive philological analysis of Hurufi terms, drawing on both textual sources and quantitative methods.

Keywords: Imadeddin Nasimi, Hurufism, Qur'anic imagery, lexical-semantic analysis, Hurufi terms, Javidan-nama, istiva, izafet.

Введение

Изучение лексико-семантической системы поэтики хуруфизма представляет собой одно из наиболее значимых направлений современного востоковедения и литературоведения, так как данное учение занимает особое место в

духовно-философской культуре исламского Востока. В центре доктрины хуруфизма находится эзотерическая интерпретация букв арабского и персидского алфавитов, а также их числовых значений, символической соотнесённости с космосом, человеком и божественным словом. Особое место в этой системе занимает творчество Имадеддина Насими (1369–1417), в котором синтезированы суфийская мистическая традиция, философские концепты и хуруфитская антропология.

Лексико-синтаксические конструкции, образованные на основе сочетаний арабских, персидских и тюркских языковых элементов, отражают как сложную межязыковую интерференцию, так и глубокий символический подтекст. Исследование этих терминов в аспекте их происхождения, структуры и семантики позволяет выявить не только лингвистические закономерности, но и ключевые принципы хуруфитской герменевтики, включающей та'виль Корана (батинное, эзотерическое истолкование), толкование спорных хадисов и сакральную арифмолого-графическую систему.

Методы и принципы исследования

Методологическая база исследования опирается на комплексный, междисциплинарный подход, включающий следующие методы:

- 1) лексико-семантический анализ — выявление значений хуруфитских терминов, определение их прямой и скрытой (батинной) семантики в контексте поэтики;
- 2) морфолого-синтаксический анализ — классификация терминов по структурным моделям (тюркские словосочетания, арабские изафетные конструкции, смешанные формы);
- 3) этимологический анализ — определение языковой принадлежности компонентов терминов (арабизмов, персизмов, тюркизов) с привлечением словарей и филологических источников;
- 4) источниковедческий и текстологический анализ — изучение текстов «Джавидан-наме» и поэзии Насими с сопоставлением разночтений и контекстуальных вариаций;
- 5) семиотический подход — интерпретация буквенных и числовых символов, используемых в хуруфитской системе, с учётом антропологической модели человека как микрокосма.

Принципиальная основа исследования заключается в сочетании филологического и герменевтического анализа, что позволяет рассматривать термины не только как языковые единицы, но и как носителей метафизических концептов. При этом учитывается как их лексическая структура, так и интертекстуальные связи с Кораном, хадисами и суфийской литературой.

Обсуждение

В творчестве азербайджанского поэта XIV века с хуруфийскими убеждениями Имадеддина Насими широко встречаются хуруфийские термины. Эти термины, как и в системе суфийских понятий, имеют символическую, аллегорическую и антропоморфическую сущность. Гибб пишет, что «хуруфиты говорили намёками, чтобы укрыться от взора ортодоксальных улемов, охотившихся за еретиками» [1, С. 337], [9, С. 10]. Продолжая свою мысль, он утверждает, что поэтическое наследие Насими насыщено символикой, непосредственно связанной с хуруфитским учением [1, С. 340]. Одной из специфических особенностей творчества Насими является то, что он целенаправленно использует различные лексические группы в рамках разных концептуальных контекстов.

Например:

Хуруфийские термины, выражающие Аллаха: *huri, huri-latif, şab, şabü-əmrəd, şabi qətət*. В доктрине хуруфитов в «Джавидан-наме» содержится идея о том, что пророк ислама во время ми'раджа (ночное восхождение Пророка Мухаммада на небеса) видел Аллаха в образе юноши (*qulam*) или гурии (*huri*). По указанным терминам и данному мотиву имеются наши развернутые исследования (см. [3]).

Термины и символы, которыми поэт обозначает хуруфитов: *ümməti-vəsət, əhli-həq, əhli-Fəzl, adəmi, bənlər, əşabül-yaqin, xuban*.

Термины и символы, которыми поэт обозначает Адама: *səhni-mövla, sənəm, surəti-ziba, surəti-Yəzdan, surəti-Allah, surəti-Rəhman, surəti-Həqq, küntü kənzin məzhəri, məzhər, məzhəri-Zatü sifat, Həq-təala məzhəri, İlahın məzhəri, məzhəri-Allah, məzhəri-Həq, məzhəri-Xəllaq, məzhəri-Zati-qədim, məzhəri-Yəzdan, Beyti-mə'mur* (мифический храм на седьмом небе, мифоэкклезионим в языке поэта употребляется как символ), *Kəbə* (экклезионим – в языке поэта употребляется как символ), *Kə'bənin camalı, xeymey-i-miad, lövhi-məhfuz, Adəmi-xaki*.

Хуруфийские термины, относимые поэтом к Фазлуллаху: *şəmsüz-züha, axır zamanın fitnəsi, nuru cahan*. Поэт варьирует имя Фазлуллаха в разных формах. Слово Фазлуллах (فضل الله) в арабском языке синтаксически представляет собой изафет (изафетное словосочетание — грамматическая конструкция притяжательного типа, характерная для арабского и персидского языков), что в данном случае означает «милость Аллаха», то есть милость, благодать, достоинство Аллаха. В стихах Насими вторую часть этого изафета — «Allah» — он заменяет теонимами, относимыми к Аллаху, а иногда и составами, взятыми из Корана. Наряду с арабским изафетом поэт использует также персидскую изафетную конструкцию: *Fəzli-həq, Fəzli-Yəzdan, Fəzli-qeyb, Fəzli-Rəb, Fəzli-Rəhman, Fəzli-ilah, Fəzli-İlahəna, Fəzli-Əzim, Fəzli hünər, Fəzli-xuda, bəndeyi-Fəzli-Xuda, Fəzli-zülcəlal, Fəzli-bismillahir-Rəhmanir-rəhim, Fəzli-ləmyəzəl, Fəzli-Əzim, Fəzli-müstəan, Fəzli-zülərşi-Əzim, Dəmi-Fəzli-illah, Fəzli hünər, Fəzli-əbəd, Qur'ani-natiq Fəzl, Fəzli-rəbbülaləmin, Fəzli-bismillahir-Rəhmanir-rəhim, bismillahi-zül-Fəzl, Fəzli-Nə'imi, məzhəri-Fəzli-ilah*.

В языке Насими хуруфийский термин *bənlər* («родинки») азербайджано-тюркского происхождения, представляет собой форму множественного числа от архаичного слова *bən* («родинка»). Оба варианта (*bən* и *bənlər*) являются архаизмами, встречающимися не только у Насими, но и в поэзии Казы Бурханеддина [141, 272], что подтверждает их широкое употребление в тюркской литературной традиции XIV века. В поэтическом языке автора «чёрная родинка» символизирует Кааба, а Кааба — символ Адама. Насими уподобляет чёрные родинки хуруфитам, указывая таким образом на ареалы распространения хуруфизма:

“Oldu Rum elinə sultan bənlərin” [7, С. 284]

(Родинки стали султаном в земле Рум).

“Mülki-Ruma padişadır bənlərin” [7, С. 284]

(Родинки — падишах в стране Рум).

Под «Rum eli», «Mülki-Rum» подразумевается Анатолия.

В следующем бейте Насими называет ресницы, брови и локон человека *Книгой Аллаха* и именует того, кто знает эту книгу, выражением *mən indəhu ümmül-kitab* (араб. «тот, у кого находится «Мать книги», то есть „основная книга“»):

“Kırpigin, qaşınla zülfün Həq kitabıdır, vəli

Ol kitabı kim bilir mən indəhü “Ümmül-kitab” [6, С. 22]

(Твои ресницы, брови и локон — это

Книга Аллаха, и лишь тот знает эту книгу, у кого есть «Мать книги»).

Это выражение является цитатой из 39-го аята суры *ar-Ra‘d* («Гром»). Хуруфиты истолковывали аяты Корана иначе и считали, что видят их внутренний (батиний — скрытый, эзотерический) смысл. По их мнению, *ümmül-kitab* — это сура *al-Fātiḥa*; «в „основной книге“ — сура „Фатиха“ — содержится 21 буква. Кроме того, на лице человека также есть 21 линия, и это соответствие между аятами суры „Фатиха“ и линиями лица объясняет, почему она называется „Ümmül-kitab“» [10, С. 201]. «На лице Евы также есть 21 линия: 7 *ümmi-xətt* (материнских линий) и 7 *abavi-xətt* (отцовских линий)» [10, С. 218]. Фазлуллах утверждает, что *Ümmül-kitab* — это сура *al-Fātiḥa*, состоящая из такого же числа букв, как и линий на лице Евы, и что обладателем «Матери книги» является пророк Мухаммад [10, С. 379].

Altı cəhat, şeş cəhat (шесть направлений). В книге Ф. Услера «Hürufilik» («Хуруфизм») «шесть направлений» (*altı cəhat*) объясняются следующим образом: «Всё существующее создано повелением *kun* كُن (*kaf-nun*) — шести буквами Аллаха — за шесть дней: „Воистину, ваш Господь — Аллах, сотворивший небеса и землю за шесть дней, затем вознёсшийся на Трон (‘arš)“ (7:54, 10:3, 57:4). Исходя из этого аята, хуруфиты утверждают, что сотворение, включая вознесение на трон, составляет семь дней, общее количество часов которых равно ($7 \times 24 = 168$), что в пересчёте как 6×28 часов также равно 168. Эти шесть 28-часовых отрезков соответствуют 28 божественным буквам (28 букв арабского алфавита — Х. Гейдарова). Таким образом, каждая из шести сторон мироздания соотносится с 28-ю часами, то есть с 28-ю божественными словами, что означает охват божественного слова всего сущего с шести сторон» [10, С. 238].

Эти разъяснения из хуруфитской доктрины «Джавидан-наме» могут показаться непонятными и запутанными. Как писал Элиас С. У. Гибб: «Понять эти произведения чрезвычайно трудно; они полны противоречивых суждений и таинственных символов» [1].

Abdal (أبدال) — арабского происхождения суфийский термин, однако, по мнению Фазлуллаха, *abdal* — это человек, который воспринимает всё в сопоставлении с линиями лица Аллаха, с Его словом, то есть в соответствии с числами 28 и 32 [10, С. 171].

“Abdal oluban bəylik edən, arifi gör kim

Bu səltənətin qədrini sultan bilir ancaq” [6, С. 28]

(Становясь *abdal* и обретая власть, смотри на знающего, ведь ценность этого султаната понимает лишь султан).

Dürri-yetim — «единственная жемчужина в раковине»; в переносном смысле — пророк Мухаммад, как единственный сын своей семьи, который осиротел с малых лет. В следующем бейте поэт использует этот образ:

“Riştəyə gövhərdir, ey can, dişlərin

Dürri-yetimdir firavan dişlərin” [7, С. 285]

(Твои зубы, о душа, словно жемчужины на нити, а множество твоих зубов — это словно *dürri-yetim*, редкая жемчужина).

Учитывая, что в поэтике Насими *diş* («зуб») символизирует 32 буквы персидского алфавита, в этом бейте можно увидеть связь между *riştə* («нить») ↔ *həblül-mətin* («крепкая вервь»), которые в поэзии Насими символизируют Корана [4] и хуруфийским толкованием хадисов пророка ислама в доктрине хуруфитов «Джавидан-наме». Эта книга была переведена на тюркский язык в х. 1048 / м. 1638 году дервишем Мюртазой из ордена бекташей (см. [5]).

İstiva (استواء) — арабского происхождения, означает «уравновешивание, выравнивание, симметрия и баланс». В хуруфийских источниках этот термин разъясняется в космическом и антропологическом измерении. Фазлуллах Наими пишет: «В видимом мире, во сне, в воображении, в представлении — всё разделено линией *istiva*. Без линии *istiva* невозможно даже вообразить или представить что-либо» [10, С. 286].

Это представление обосновывается аятами Корана: «...вознёсся на Трон» (‘arš) (аль-А‘раф 7:54 и др.) и «...сотворил все пары» (Йа-Син 36:36). Таким образом, линия *istiva* — это путь, ведущий к Аллаху, в структуре мироздания как в его внешнем, так и во внутреннем измерении.

Согласно хуруфитской антропологии, человеческий облик является квинтэссенцией мироздания. Насими и другие хуруфийские поэты рассматривают человеческое тело как микрокосм и толкуют его как книгу, на которой записаны божественные истины. Главная символическая ось этого тела называется *istiva* (خط الاستواء). По словам Фазлуллаха Наими, 14 пар (то есть 28) линий на лице человека вертикально делятся этой линией *istiva*. Если включить в этот счёт волосы (*saç*) и *anfeka* (долбокую бородку под нижней губой), то на лице человека определяется в общей сложности 32 «чёрные линии». Эта структура выражает как символический порядок во внешнем облике человека, так и точку проявления божественного слова в человеке [10, С. 144].

«Çün üzündür kitab, ayatı

İstiva ilə san otuz ikidir» [7, С. 125]

(Ведь твоё лицо — это книга, а аяты

с линией *istiva* составляют тридцать две).

В хуруфийской поэтике *istiva* иногда символизируется также чудом *şəqqülqəmər* («рассечение луны»). Брови имеют форму *qabü qövseyñ* («двух близких дуг») и разделены на две части, что усиливает космическую символику линии *istiva*:

«Çün qaşların oldu qabü qövseyñ
Şəqqülqəmər ilə istivasan» [7, С. 232]

(Ведь твои брови стали как *qabü qövseyñ*, а с рассечением луны ты стал подобен *istiva*).

В стихах поэта *qaş* («бровь») азербайджанско-тюркского происхождения часто используется вместе с лексическими единицами, обозначающими ми'радж пророка Мухаммада. К ним относятся — *terac, qabü qövseyñ, sidrätül-müntəha, on iki ayət* (12-й аят суры *an-Najm*, где говорится о ми'радже). Смысл этого можно понять из следующего бейта:

«Zülfü qaşından bəyani-sirri-pünhan oldu faş,
Həq-təalanın kəlamı vəchi-insan oldu faş» [7, С. 334]

(Из локона и брови твоей явилось объяснение скрытой тайны, слово Всевышнего стало явным в человеческом облике).

Здесь приводится ссылка на хадис, считающийся мевзу (недостовверным, вымышленным), в котором повествуется о том, что пророк Мухаммад во время ночного мираджа увидел Аллаха в облике юноши (см. [2]).

В хуруфитской космологии понятие *mərkəz* («центр») имеет особое значение. Оно является общим основанием как материального мира, так и духовной сущности. *Mərkəz* — это человеческий облик, духовная кыбла, вокруг которой совершают тавваф (ритуальный обход Каабы во время паломничества) земля, сферы, ангелы и все существа: «Всякое сущее, сферы и ангелы, растения и неодушевленные предметы... обратились к человеческому облику и влюбились в него... желают полностью обрести человеческий облик и образ Адама» [8, С. 19]. Насими поэтизирует понятие *mərkəz* следующим образом:

«Gərçi sərfitnə saçındır qəmər in dövründə
Fitnənin mərkəzi şol xali-müdəvvər dedilər» [6, С. 263]

(Хотя смута — это твои волосы в эпоху луны, центром смуты назвали ту круглую родинку).

В этих стихах *mərkəz* можно рассматривать как человека, в особенности как божественное проявление в образе Адама. В «Джавидан-наме» этот термин используется в форме *mərkəzi-xak* («центр земли») и относится к Адаму. «Поклонение ему вещей, сфер и ангелов составляет основу данного подхода» [5, С. 42]. Тот же термин встречается и у Насими:

«Mərkəzi-xakə qıldı cümlə sücud» [7, С. 239]

(Весь мир склонился в земном центре).

Tənur (араб. *تَنْوْر* *tannūr* < араб. *tanūrā* < аккад. *Tinūru*) — земляная печь (тандыр). Согласно хуруфитам, это тот самый тандыр, из которого, по преданию, во времена Нуха (Ноя) начался потоп. В Коране потоп описан так: «...Когда пришёл Наш приказ и вода забила из тандыра...» (*аль-Му'минун* 23:27). То есть 32 воды вышли из «тандыра» Адама, и потоп поднялся из этих вод» [10, С. 333]. Насими в следующем бейте указывает на это религиозное предание:

«Çıxdı tufan tənurdan, qərq edisər cahanı, gəl» [7, С. 135]

(Потоп вышел из тандыра, он утопит весь мир — приди).

Основные результаты

Таким образом, в нашем исследовании было рассмотрено в общей сложности 172 хуруфийских термина. Лексико-грамматическая классификация определена следующим образом:

Лексические хуруфийские термины (79 единиц): *abdal, ağız, alın, altı, ariz, ayaq, ba, bağır, bağırsaq, baş, bədən, bənlər, boy, ciyər, cim, dal, dalaq, dimağ, dil, diş, dodaq, doq(q)uz, dörd, dəhan, əlli, əmcək, əl, əlif, geysu, göz, göbək, həft, huri, istiva, Kəbə, kaf, kirpig, kirpik, könül, liqa, ləb, mə'dən, mərkəz, məzhər, mim, nöb, öd, pa(y), qaş, qaf, qamət, qədd, qəlb, qulaq, riştə, rüx, rüxsar, saç, sad, sənəm, sər, sittun, sinə, surət, şab, taha, tən, tənur, üz, üzər, vəch, vücud, yanağ, yasin, yed(d)i, yey, zərrə, zülf, (y)üz.*

Лексико-синтаксические хуруфийские термины (91 единица): *adəmi-xaki, axır zamanın fitnəsi, altı cəhat, şeş cəhat, beyti-mə'mur, dürri-yetim, əhli-fəzl, əhli-həq, əmrəd qətət, əşabül-yəqin, həblül-mətin, Həq-təala məzhəri, huri-lətif, İlahın məzhəri, Kə'bənin camalı, küntü kənzin məzhəri, qabü qövseyñ, lövhi-məhfuz, mərkəzi-xak, məzhəri-Allah, məzhəri-Həq, məzhəri-Xəllaq, məzhəri-Yəzdan, məzhəri-Zati-qədim, məzhəri-Zatü sifət, nuru cahan, səhni-mövla, surəti-Allah, surəti-Həqq, surəti-Rəhman, surəti-Yəzdan, surəti-ziba, şabi qətət, şabü-əmrəd, şəqqülqəmər, şəmsüz-züha, ümməti-vəsət, Ümmül-kitab, Xeymey-i-miad, əlifü lamü ha, əlli tənab, bavü lam, bistü həşt, bistü yek, cim ilə nun, cimü dal, dörd dayə, dörd kitab, doquz atə, eyni-sad, favü zadü lamü həq, iqlimi-həft, iyirmi səkkiz, kafü hey, eynü sad, kafü nun, lam əlif, nun vəl-qəlam, on dörd / on dört, on iki, on iki imam, on iki ayət, on iki bürc, on səkiz, on səkiz min aləm, on altı xətt, otuz iki, qafü lam, qafü mimü rey, qırx səkkiz, səksən dörd, sinü şin, üç əlif bir eyn, üç yüz altmış, üç yüz altmış altı, üç otuz on, yasini-nun, yedi anə, yeddi bacə, yeddi iqlim, yeddi damu, yeddi qapı, yedi göy, yeddi qat yer, yetmiş iki, yetmiş üç, yetmiş yeddi hərf, yavü nunü dal, yigirmi dörd, zadü lam, əhl-i beyt.*

Морфологические хуруфийские термины (2 единицы): *adəmi, xuban.*

При классификации лексических хуруфийских терминов по происхождению преобладают термины азербайджано-тюркского происхождения.

Азербайджано-тюркские лексические термины (31 единица): *ağız, alın, altı, ayaq, bağır, bağırsaq, baş, bədən, bən, bənlər, boy, dal, dalaq, dil, diş, doq(q)uz, dörd, əlli, əmcək, əl, göz, göbək, kirpig/kirpik, könül, öd, qaş, qulaq, saç, üz, (y)üz, yed(d)i.*

Арабские лексические термины (28 единиц): *abdal, ariz, dimağ, əlif, huri, istiva, Kəbə, kaf, ləb, liqa, mə'dən, məzhər, mīm, qamət, qədd, qaf, qəlb, şab, sad, sittun, surət, taha, tənur, vəch, vücut, yasin, zərrə, yey*. Примечание: *ba, yey, sad* и *kaf* являются буквами арабского алфавита, поэтому относятся к арабскому происхождению.

Персидские лексические термины (16 единиц): *ciyə, dəhan, geysü, həft, nö, pa(y), rüx, rüxsar, riştə, sənəm, sər, sinə, tən, üzər, yanağ, zülf*.

В творчестве Насими синтаксические словосочетания по происхождению подразделяются на три типа — персидские, азербайджано-тюркские и арабские, при этом персидские изафетные конструкции составляют большинство.

Изафетные словосочетания персидской конструкции (42 единицы): *adəmi-xaki, beyti-mə'mur, dürri-yetim, əhli-fəzl, əhli-həq, huri-lətif, lövhi-məhfuz, mərkəzi-xak, məzhəri-Allah, məzhəri-Həq, məzhəri-Xəllaq, məzhəri-Yəzdan, məzhəri-Zati-qədim, məzhəri-Zatü sifət, səhni-mövla, surəti-Allah, surəti-Həqq, surəti-Rəhman, surəti-Yəzdan, surəti-ziba, şabi qətət, ümməti-vəsət, Xeyməyi-miad, əlifü lamü ha, bavü lam, bistü həşt, bistü yek, cimü dal, eyni-sad, favü zadü lamü həq, iqlimi-həft, kafü hey, eynü sad, kafü nun, lam əlif, qafü lam, qafü mimü rey, sinü şin, yasini-nun, yavü nunü dal, zadü lamü, əhl-i beyt*.

Словосочетания азербайджано-тюркской синтаксической конструкции (27 единиц): *axır zamanın fitnəsi, altı cəhat, şeş cəhat, Həq-təala məzhəri, İlahın məzhəri, Kə'bənin camalı, küntü kənzin məzhəri, cim ilə nun, dörd dayə, dörd kitab, doquz atə, əlli tənab, on iki imam, on iki ayət, on iki bürc, on səkiz min aləm, on altı xətt, üç əlif bir eyn, üç otuz on, yedi anə, yeddi bacə, yeddi iqlim, yeddi damu, yeddi qarı, yedi göy, yeddi qat yer, yetmiş yeddi hərf*.

Изафетные словосочетания арабской синтаксической конструкции (10 единиц): *əmrəd qətət, əşabül-yəqin, həblül-mətin, qabü qövsey, nuru cahən, şabü-əmrəd, şəqqülqəmər, şəmsüz-züha, Ümmül-kitab, nun vəl-qələm*.

Следует отметить, что хуруфийские термины, образованные лексико-синтаксическим способом, состоят из компонентов смешанного происхождения.

Заключение

Анализ лексических хуруфитских терминов показал, что их состав отражает сложное взаимодействие тюркской, арабской и персидской лексики, обусловленное культурно-религиозным синтезом эпохи. При классификации лексических хуруфийских терминов по происхождению преобладают термины азербайджано-тюркского происхождения. Лексическая система хуруфизма формируется не только за счёт заимствованных религиозно-философских понятий, но и на основе адаптированных слов тюркского происхождения, которые в контексте хуруфитской доктрины приобретают особые, углублённые значения.

Проведённое исследование показывает, что лексико-синтаксическая структура хуруфитской терминологии не ограничивается лишь религиозно-философским содержанием, но также является продуктом взаимодействия синтаксических моделей, сформировавшихся на исторических этапах развития азербайджанского языка и тюркских языков в целом, с арабо-персидскими изафетными конструкциями. Было установлено, что в терминах, употребляемых в хуруфитских текстах, разнородность компонентов по происхождению (тюркскому, арабскому, персидскому) на лексическом уровне выражается в многослойной семантической структуре языка, а на синтаксическом уровне — в гармоничном сочетании элементов разного языкового происхождения.

В результате анализа выявлено, что принципы формирования лексико-синтаксических хуруфитских терминов проявляются в трёх основных направлениях: словосочетания с азербайджано-тюркской синтаксической структурой, изафетные конструкции персидской модели и изафетные конструкции арабской модели.

С лингвистической позиции изучение хуруфитской терминологии имеет не только историко-лингвистическое значение, но и представляет собой важный теоретический материал для современного языкознания в области исследования структуры семантических полей, механизмов формирования терминологических систем и процессов межязыкового взаимодействия.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность коллегам из Института языкознания Национальной академии наук Азербайджана за ценные советы и рекомендации, а также благодарит сотрудников Национальной библиотеки и Архива рукописей за предоставленные материалы, способствовавшие подготовке данной статьи. Особая благодарность М.З. Нагисойлы за консультации по вопросам терминологии хуруфизма.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Нурутдинова А.Р., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.11.1>

Acknowledgement

The author expresses sincere gratitude to colleagues from the Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Azerbaijan for their valuable advice and recommendations, as well as to the staff of the National Library and the Manuscript Archive for providing materials that contributed to the preparation of this article. Special thanks to M.Z. Nagisoyly for their advice on the terminology of Hurufism.

Conflict of Interest

None declared.

Review

Nurutdinova A.R., Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.11.1>

Список литературы / References

1. Gibb E.J.W. A History of Ottoman Poetry / E.J.W. Gibb; edited by E.G. Browne. — London : Luzac, 1900. — Vol. 1. — 492 p.

2. Hadith: «رَأَيْتُ رَبِّي فِي صُورَةِ شَابٍ أَمْرَدٍ، لَهُ وَفْرَةٌ جَعْدٌ قَطَطٌ، فِي رَوْضَةٍ خَضْرَاءَ» — URL: <http://iswy.co/e11qpn> (تم الوصول إليه: 12.09.2024).
3. Heydarova Kh. Lexical Units Reflecting Anthropomorphism in Nasimi's Religious and Philosophical Views / Kh. Heydarova // World Science. — 2024. — № 4 (86). — DOI: 10.31435/ws.4(86).2024.3242.
4. Heydərova X. Nəsiminin yaradıcılığında "saç" və "zülfi" leksik vahidlərini ifadə etdiyi mənalarının obrazlı təqdimatı / X. Heydərova // Dilçilik Araşdırmaları. — 2019. — № 2. — S. 25–29.
5. Esterabadi F. Cavidan-Name Dürr-i Yetim İsimli Tercümesi / F. Esterabadi; hazırlayan F. Usluer. — İstanbul : Kabcacı Yayınları, 2012. — 541 s.
6. Nəsimi İ. Seçilmiş əsərləri / İ. Nəsimi; tərtib edəni H. Arashı. — Bakı : Lider nəşriyyat, 2004. — Cild I. — 336 s.
7. Nəsimi İ. Seçilmiş əsərləri / İ. Nəsimi; tərtib edəni H. Arashı. — Bakı : Lider nəşriyyat, 2004. — Cild II. — 376 s.
8. Na'imi F. Cavidannamə. Dürr-i-yetim mətni / F. Na'imi; tərcüməsi və redaksiyası C. Nusratlı // Azərbaycan jurnalı. — 2015. — № 7. — S. 12–33.
9. Qasimova A. Nəsimi və Hürufilik Qərb şərqşünaslığında / A. Qasimova. — Bakı : Savad, 2022. — 236 s.
10. Usluer F. Hurufilik: İlk Elden Kaynaklarla Doğuşundan İtibaren / F. Usluer. — İstanbul : Kabcacı Yayınevi, 2009. — 626 s.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gibb E.J.W. A History of Ottoman Poetry / E.J.W. Gibb; edited by E.G. Browne. — London : Luzac, 1900. — Vol. 1. — 492 p.
2. Hadith: «رَأَيْتُ رَبِّي فِي صُورَةِ شَابٍ أَمْرَدٍ، لَهُ وَفْرَةٌ جَعْدٌ قَطَطٌ، فِي رَوْضَةٍ خَضْرَاءَ» [Hadith: "I saw my Lord in the form of a beardless young man, with thick curly hair, in a green meadow"]. — URL: <http://iswy.co/e11qpn> (accessed: 12.09.2024). [in Arabic]
3. Heydarova Kh. Lexical Units Reflecting Anthropomorphism in Nasimi's Religious and Philosophical Views / Kh. Heydarova // World Science. — 2024. — № 4 (86). — DOI: 10.31435/ws.4(86).2024.3242.
4. Heydarova Kh. Nəsiminin yaradıcılığında "saç" və "zulf" leksik vahidlərini ifadə etdiyi mənalarının obrazlı təqdimatı [Figurative Presentation of the Meanings Expressed by the Lexical Units "saç" (hair) and "zulf" (lock) in Nasimi's Creativity] / Kh. Heydarova // Dilçilik Araşdırmaları [Linguistic Studies]. — 2019. — № 2. — P. 25–29. [in Azerbaijani]
5. Esterabadi F. Cavidan-Name Dürr-i Yetim İsimli Tercümesi [Cavidan-Name: Translation Entitled Dürr-i Yetim] / F. Esterabadi; prepared by F. Usluer. — İstanbul : Kabcacı Publications, 2012. — 541 p. [in Turkish]
6. Nasimi I. Seçilmiş əsərləri [Selected Works] / I. Nasimi; compiled by H. Arashı. — Bakı : Lider, 2004. — Vol. I. — 336 p. [in Azerbaijani].
7. Nasimi I. Seçilmiş əsərləri [Selected Works] / I. Nasimi; compiled by H. Arashı. — Bakı : Lider, 2004. — Vol. II. — 376 p. [in Azerbaijani].
8. Na'imi F. Cavidannamə. Dürr-i-yetim mətni [Cavidannamə: The Text of Durri-yetim] / F. Na'imi; translated and edited by Ch. Nusratlı // Azərbaycan jurnalı [Azerbaijan Journal]. — 2015. — № 7. — P. 12–33. [in Azerbaijani].
9. Qasimova A. Nəsimi və Hürufilik Qərb şərqşünaslığında [Nasimi and Hurufism in Western Oriental Studies] / A. Qasimova. — Bakı : Savad, 2022. — 236 p. [in Azerbaijani].
10. Usluer F. Hurufilik: İlk Elden Kaynaklarla Doğuşundan İtibaren [Hurufilik: From Its Origin with Primary Sources] / F. Usluer. — İstanbul : Kabcacı Publishing House, 2009. — 626 p. [in Turkish].